

Категории погребальных памятников Полоцка XIV–XVI вв.

В. В. Черевко

Аннотация. В соответствии с христианской традицией погребения должны быть связаны с культовыми постройками. В древнерусский период большинство населения хоронили на прихрамовых кладбищах, представителей духовенства или ктиторов могли погребать в храмах. В XIV–XVI вв. практика погребений на прихрамовых могильниках Полоцка продолжилась. Сегодня мы не имеем сведений о продолжении традиции погребений в храмах, что может свидетельствовать о ее прекращении или сокращении. Причиной является упадок каменного культового зодчества. Поскольку некоторые храмы XII–XIII вв. использовались для погребений в XVI–XVII вв., можно допустить, что погребения в существующих храмах могли осуществляться и в XIV–XV вв. С XVI в. эта практика вновь фиксируется археологически.

Ключевые слова: погребальные памятники XIV–XVI вв., кладбища, Полоцк, Белорусское Подвинье.

Categories of funerary monuments of Polotsk of the 14th–18th centuries

Viktor V. Charauko

Abstract. In accordance with Christian tradition burials should be connected with religious buildings. In the Old Russian period the majority of the population was buried in temple cemeteries, representatives of the clergy or ktitors could be buried in churches. In the 14th–16th centuries, the practice of burials at the temple burial grounds of Polotsk continued. Today we have no information about the continuation of the tradition of burials in churches which may indicate its termination or reduction. The reason is the decline

Работа выполнена в рамках проекта Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований «Погребальные памятники Полоцка XI–XVIII вв. в контексте развития синхронных некрополей Белорусского Подвинья: погребальный обряд, инвентарь, палеоантропологическая характеристика» (номер государственной регистрации 20221071 от 06.07.2022).

© Черевко В. В., 2023

of stone religious architecture. Since some churches of the 12th–13th centuries were used for burials in the 16th–17th centuries, it can be assumed that burials in existing churches could have been carried out in the 14th–15th centuries. Since the 16th century this practice has been recorded archaeologically again.

Keywords: funerary monuments of the 14th–18th centuries, churchyards, Polotsk, Belarusian Dvina region.

Христианский обряд предусматривает погребение умерших либо на прихрамовых кладбищах, либо в храмах. Большую часть людей хоронили на кладбищах. В культовых сооружениях могли погребать представителей социальной элиты: высшее духовенство и ктиторов. Погребения в храмах и на кладбищах возле церквей на территории Белорусского Подвинья (Северной Беларуси) известны с XII–XIII вв. и связаны с культовыми постройками Полоцка [3, с. 89–92]. Погребения Полоцка периода позднего Средневековья – раннего Нового времени (XIV–XVIII вв.) представлены теми же категориями погребальных памятников, которые сложились в предшествующий период: прихрамовыми могильниками и погребениями в храмах. Для периода XIV–XVI вв. не просто большая часть, а практически все известные нам погребения Полоцка осуществлены на кладбищах при храмах.

Прихрамовые могильники. Появление в Беларуси прихрамовых грунтовых могильников связано с принятием христианства. В отличие от расположенных в предместьях курганных некрополей, которые могли расти в противоположные от города стороны, городские прихрамовые кладбища древнерусского периода имели ограниченные возможности для расширения. Поэтому обоснованной представляется гипотеза О. Н. Левко о существовании ранних христианских кладбищ за пределами городов рядом с курганными некрополями [19, с. 222]. Д. В. Дук допускает возникновение отдельных христианских погребений или кладбищ на территории «восточного курганного некрополя» Полоцка в конце X–XI в. [8, с. 108, 113–114]. «Волотówki»¹ указанного могильника упоминаются в письменных источниках еще в XVIII в. Западной границей некрополя была местность, прилегающая к Богоявленскому мона-

¹ Народное название курганов.

стырю, где в XVI в. засвидетельствовано существование кладбища. Не вызывает возражений мнение исследователя и о христианских погребениях на территории «северного курганного некрополя» Полоцка, где позже возник Михайловский монастырь на Городке, упомянутый в начале XVI в. [8, с. 106–108, 113–114].

В рамках рассматриваемого периода XIV–XVI вв. могильники при храмах составляли основную категорию городских погребальных памятников. Они фиксируются археологически и известны по письменным источникам. Так, *кладбище возле древнего Софийского собора в Полоцке* (Илл. 1) упомянуто в «вѣроке»² великого князя Александра 1499 г.: полоцкий епископ Лука жаловался на полоцких мещан и бояр, которые оспаривали его право на несколько деревень. Полочане в ответ доказывали, что жители указанных деревень выполняют повинности в пользу не епископа, а Софийского собора. В частности, они издавна, «церьков Светое Софии кривáли и цвиньтáр³ горóжывали», т. е. отвечали за ремонт крыши собора и ремонт ограды существующего при нем кладбища. Подчеркивая давность подобной практики, полоцкие войт, бояре и мещане ссылались на пожалование Скиргайлы, что отсылает к концу XIV в. [23, с. 160–161].

Та же информация содержится в указной грамоте Александра Казимировича 1501 г. [23, с. 177]. В 1544 г. «цвинтар» «церкви Божией святой Софии» упомянут уже в грамоте Сигизмунда I, который разбирал аналогичный спор между полочанами и новым епископом Симеоном [1, с. 402–403]. В очередной раз кладбище упомянуто почти через столетие, в инвентаре женского базилианского монастыря 1637 г., составленном во время передачи монастыря святой Софии униатам [8, с. 113; 17, с. 16–18].

Несколько погребений возле Софийского собора вскрыто в начале XX в. П. П. Покрышкиным. Среди костяков было несколько детских. Преобладала восточная ориентация погребений. Она, вероятно, свидетельствует о принадлежности исследованной части кладбища униатскому населению [21, с. 82]. Если учесть, что монастырь был передан базилианам в 1637 г., погребения могут быть

² Судебном решении.

³ Кладбище.

датированы XVII–XVIII вв. При этом упомянутые ранее письменные источники дают возможность говорить о существовании могильника возле Софийского собора в конце XIV в. Если учесть, что собор является самым древним известным нам храмом Полоцка, полагаем, что некрополь возле него возник еще раньше.

Наиболее ранним из известных нам городских могильников Белорусского Подвинья является *некрополь возле храма на стрелке Нижнего замка в Полоцке*. Он действовал с древнерусского периода. Это единственный городской могильник региона, функционирование которого в XII в. не просто убедительно обосновано, но и археологически подтверждено [3, с. 89–90; 25, с. 151, 154]. Подсыпка площадки под строительство каменной церкви первой половины XII в. перекрыла более ранние погребения. Еще несколько погребений находилось на уровне подсыпки. Это позволило П. А. Раппопорту определить их хронологию периодом функционирования храма: первой половиной XII – первой половиной XVI в. [24, с. 27; 25, с. 154–155].

Погребения располагались к северу от храма. Исследователь не указал их количество, но отметил наличие как мужских, так и женских скелетов. Погребения были безынвентарными. В могилах сохранились остатки деревянных гробов. Ориентировка костяков хорошо соотносилась с ориентировкой храма. Поскольку храм продольной осью ориентирован на 77–79° [24, с. 25, 27; 25, с. 151, 154], скелеты были ориентированы головой на запад с небольшим (11–13°) отклонением к югу.

В 2008 г. к северо-западу от церкви Д. В. Дук открыл погребение, стратиграфически датируемое XV в. [9, с. 11, 24, 107–108; 12, с. 171–172]. В 2014 г. изучение стрелки Нижнего замка было продолжено Д. В. Дуком и А. Л. Коцем. К северу от храма исследователями было вскрыто 56 погребений. С учетом коллективных погребений и находок отдельных костей нарушенных скелетов останки принадлежали не менее, чем восьмидесяти индивидам. Исходя из особенностей расположения скелетов, глубины могил, ориентировки костяков и погребального инвентаря, археологи пришли к выводу о принадлежности исследованных погребений к двум могильникам – XIII–XIV вв. и XVII–XVIII вв. Преемственности между этими могильниками не наблюдается [11, с. 32; 12, с. 172–181].

Интересующий нас первый могильник находится ближе к храму и характеризуется высокой плотностью погребений, расположенных в пяти горизонтах на глубине 1,0–1,8 м от уровня дневной поверхности [10, с. 21–29; 12, с. 172–174, 177–178]. Остеологический материал хорошо сохранился, но кладбище повреждено более поздними погребениями и постройками. Три погребения являлись коллективными. Они содержали останки двух (женщины и ребенка), трех (двух мужчин и одного ребенка) и четырех (двух мужчин, двух детей) человек. Половозрастной состав погребенных разнообразен: 15 мужчин, 8 женщин, 11 детей и трое взрослых, пол которых не определен [12, с. 172–177]. Кроме того, к данному могильнику с наибольшей вероятностью относятся фрагменты переотложенных костяков. Они представлены останками не менее двадцати четырех человек, включая 9 мужчин, четырех женщины, одного ребенка и 10 взрослых, пол которых не определен [15, с. 19].

Согласно Д. В. Дуку и А. Л. Коцу, погребения данного могильника объединяет западная ориентировка. Исключение составляют 4 скелета, ориентированных на запад с небольшим отклонением к югу [12, с. 172–178]. Приведенный исследователями план показывает, что значительная часть погребений ориентирована не строго на запад, а с небольшими отклонениями. Ориентировка может быть определена для двадцати девяти погребений. Из них 16 ориентированы на запад с отклонением к югу, 9 – на запад, 3 – на запад с отклонением к северу и 1 – на север или на юг. Отклонение от западного направления к югу соотносится с аналогичной ориентировкой церкви на стрелке Нижнего замка. Мы предполагаем, что погребения ориентировали в соответствии с ориентировкой храма – архитектурной доминанты кладбища [10, с. 22; 12, с. 173, 175–177].

Положение рук прослежено в восемнадцати погребениях. В шести погребениях руки лежали на животе, в одном – на тазовых костях, в одном – на груди, в семи случаях одна рука находилась на животе, вторая – на тазовых костях, в одном – одна рука на груди, вторая – на животе. В двух погребениях сохранилась только одна рука, находившаяся на груди или на животе. Инвентарь некрополя представлен перстнем (XIII–XIV вв.) и бубенчиком (XI–XIII вв.). В восьми могилах отмечены гвозди от гробов. Коллективное погребение обставлено досками наподобие гроба. В трех погребениях

под головой зафиксированы фрагменты плинфы. В одном из них фрагмент плинфы находился и под бедренной костью. На основании инвентаря и стратиграфии погребения были датированы XIII–XIV вв. [12, с. 174–181].

Расположение погребений XIII–XIV вв. на определенном отдалении от храма вписывается в логику расширения могильника: если в XII в. умерших хоронили непосредственно возле церковных стен, то в дальнейшем осваивалось и более отдаленное пространство.

Разрушение храма на Стрелке Нижнего замка и прекращение существования могильника при нем хорошо соотносится с историческим контекстом. В 1501–1503 гг. в связи с обострением отношений между великими княжествами Литовским и Московским вокруг ранее не защищенного стенами Великого посада Полоцка были возведены укрепления [22, с. 226–227]. В 1508, 1513 и 1518 гг. посад вместе с укреплениями неоднократно сжигался московскими войсками. Это вызвало переселение части населения за Двину, на левобережные (южные) посады Полоцка [8, с. 93]. Происходило и восстановление застройки, о чем свидетельствуют постройки первой половины XVI в. Для фундаментов некоторых из них использовалась плинфа от храма.

Во время Ливонской войны топография города изменилась. На части территории сожженного Великого посада в 1563 г. был построен Нижний замок, в пределах которого оказался некрополь. Население города и его окрестностей сократилось. Доступ местных жителей на занятый стрелецким гарнизоном Нижний замок был ограничен [8, с. 46; 22, с. 312]. Разрушение храма, изменения в топографии города и существенное сокращение населения способствовали упадку могильника, что объясняет прекращение его функционирования. Уточнить ситуацию могут дальнейшие археологические раскопки на Стрелке Нижнего замка.

Кладбище при церкви Рождества Христова (храме на рву) в Полоцке могло возникнуть еще в древнерусское время, на что указывают находки кирпичных саркофагов возле храма [9, с. 44]. Могильник начал активно развиваться после взятия Полоцка Иваном IV или Стефаном Баторием и действовал в конце XVI – первой половине XVII в. Он уже существовал на момент начала строительства иезуитского коллегіума между Верхним замком и городом

(1589 г.) [26, с. 16, 19]. С началом тринадцатилетней войны Русского государства против Речи Посполитой 1654–1667 гг., когда иезуиты покинули Полоцк, кладбище расширилось, а местные жители начали хоронить умерших на прилегающих к нему иезуитских владениях. В результате сокращения населения за годы войны более чем в 10 раз могильник был заброшен. После возвращения иезуитов он окончательно прекратил существование, а в конце XVII–XVIII в. был частично застроен корпусами коллегиума [8, с. 114].

В слоях XVI–XVII вв. Д. В. Дуком найдены фрагменты не менее семидесяти шести костяков, в том числе девяти детских [14, с. 14–15]. Погребения сильно повреждены строительными работами. Два из них ориентированы на восток, одно – на север, что может быть связано с использованием кладбища представителями униатской конфессии. Несколько погребений осуществлены в выдолбленных гробах. Возможно, из женского погребения происходит обнаруженная в культурном слое серьга в виде вопросительного знака. Изученная часть кладбища действовала непродолжительное время, на что указывают расположение погребений на значительном расстоянии друг от друга, отсутствие нарушения одних могил другими и нескольких горизонтов погребений, а также наличие построек, практически синхронных погребениям [8, с. 114; 9, с. 44; 14, с. 14–15].

Могильник на Острове Западной Двины в Полоцке исследовали Д. М. Струков и Л. Д. Поболь. Последним было обнаружено 9 погребений, что вместе с отдельными костями указывает не менее чем на 12 погребенных. Костяки находились на глубине 1,0–1,8 м от уровня дневной поверхности. Прослежена западная ориентировка девяти погребений (возможные отклонения не фиксировались) и положение рук одного (одна рука находилась на тазовых костях, вторая была вытянута вдоль тела). Погребальный инвентарь отсутствовал. Над костяками найдено несколько гвоздей (возможно, от гробов переотпложенных погребений), связь которых с конкретными погребениями не прослежена [20, с. 10–11; 27, с. 16, 100–101]. Погребения можно связывать с монастырем Иоанна Предтечи на Острове, который точно существовал с середины XV в. (возможно, и ранее) и пришел в упадок в начале XVII в. [6, с. 136–138; 22, с. 443]. Существование могильника следует датировать этим периодом.

В XVII–XVIII вв. действовал *некрополь при Богоявленской церкви* (затем – монастыре). Известно, что храм был построен на территории уже существовавшего православного кладбища. Во время археологического надзора там обнаружен целый костяк, который находился в выдолбленном гробу-колоде и был ориентирован на север, и ряд поврежденных погребений. Погребение в гробу-колоде датируется XV – первой половиной XVI в. [14, с. 15]. Д. В. Дук допускает, что оно могло относиться не к Богоявленскому собору, а к Воскресенской церкви XVI в. [7, с. 5].

Проблема городских могильников без культовых построек. Помимо прихрамовых кладбищ, в Полоцке известны некрополи рассматриваемого периода, связь которых с культовыми постройками археологически не установлена. О нескольких кладбищах, существовавших на территории Заполотского посада в конце XVI в., упоминает Р. Гейдентштейн [5, с. 58]. Два могильника на указанной территории были обнаружены Д. В. Дуком и И. В. Магалинским. Погребения XV–XVII вв. сильно повреждены перекопками. Останки принадлежали шести взрослым, в том числе трем мужчинам, одной женщине и двум взрослым, пол которых не определен [14, с. 15; 22, с. 147, 201].

Тем не менее, мы не склонны выделять грунтовые могильники без культовых построек в отдельную категорию городских погребальных памятников. В Великом княжестве Литовском существовали городские могильники без храмов, однако они возникали во время эпидемий, войн (братские могилы) или предназначались для представителей социальных низов [18, с. 325, 331]. Исследованные фрагменты некрополей не являются братскими могилами. Предполагаем, что упомянутые могильники могли располагаться при пока не обнаруженных церквях. Из письменных источников в Полоцке известно существование ряда деревянных храмов, пока не локализованных на местности [4, с. 163–167; 22, с. 441–444]. К ним и могли относиться данные кладбища.

Погребения в храмах. Погребения XII–XIII вв. могли располагаться в аркасолиях, а также в саркофагах из шифера или плинфы, находившихся непосредственно под полом, возможно – в криптах или в интерьере храма вдоль стен [3, с. 92–93]. Подобная погребальная практика зависела от развития культовой архитектуры.

В XIV–XV вв. каменное зодчество в регионе пришло в упадок. В XVII–XVIII вв. в связи с новым этапом развития монументального культового строительства количество погребений в храмах возросло. В целом, погребения позднего Средневековья – раннего Нового времени могли размещаться под полом деревянных храмов, в подвалах каменных церквей и в нишах, сделанных в стенах храма [29, с. 133].

В XIV–XV вв. в связи с упадком каменной культовой архитектуры традиция погребения в храмах если не прервалась, то сократилась. Поскольку некоторые храмы древнерусского периода продолжали функционировать в последующий период и использовались для погребений в XVI–XVII вв. (Софийский собор в Полоцке, Благовещенская церковь в Витебске), можно допустить, что погребения в таких храмах могли осуществляться и в XIV–XV вв. Однако, свидетельств источников об этом мы пока не имеем.

С XVI в. эта практика вновь фиксируется археологически. К XVI – началу XVII в. относится женское погребение, найденное в подвале Софийского собора. Оно датировано по находке монеты [2, с. 131]. Кроме того, в погребении присутствовал фрагмент шелкового покрывала с вышитым текстом акафиста Богоматери (Илл. 2), что подчеркивает высокий имущественный и социальный статус погребенной [13, рис. 124]. Практика храмовых погребений на сопредельных территориях нашла отражение в тестаментх (завещаниях) второй половины XVI в. Так, землянин Занка Олехнович Ромейко Хотимский в 1559 г. просил похоронить его в Святодуховской церкви в Витебске [28, с. 182, 185]. Смоленский каштелян, дисненский староста и один из владельцев Глубокого Юрий Зенович – в костеле в Сморгони [16, с. 504; 30, с. 10–11].

Таким образом, городские прихрамовые могильники существовали на протяжении всего рассматриваемого периода. Наиболее ранние погребения осуществлялись на памятниках, возникших в древнерусский период (могильники при церкви на стрелке Нижнего замка и при Софийском соборе в Полоцке). Новые некрополи при храмах появились в XV–XVI вв. и тоже связаны с культовыми постройками (погребения при монастыре Иоанна Предтечи на Острове). Ряд городских некрополей, известных археологически и по письменным источникам, не имеет выявленной привязки к хра-

мам. Вероятно, это означает не фактическое наличие не привязанных к храмам городских некрополей, а отражает текущую степень археологической изученности исторической территории Полоцка.

В связи с упадком каменного зодчества, традиция погребений в храмах заметно сократилась. Можно допустить, что в XIV–XV вв. погребения могли осуществляться в уже существующих каменных, а возможно – и деревянных храмах. С XVI в. практика храмовых погребений фиксируется вновь, а в XVII–XVIII вв. получает дальнейшее развитие в связи с развитием монументального культового зодчества.

Список источников и литературы

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 2. 1506–1544. СПб.: Тип. II Отделения собственной Е.И.В. Канцелярии, 1848.

2. Археалогія Беларусі. У 4 т. Т. 4. Помнікі XIV–XVIII стст. / пад рэд. В. М. Ляўко і інш. Мінск: Беларуская навука, 2001.

3. Войтехович А. В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. Минск: Беларуская навука, 2019.

4. Варонін В. А. Праваслаўныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.) // *Studia historica Europae Orientalis* = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 2 / отв. ред. Г. Я. Голенченко. Минск: РИВШ, 2009. С. 152–174.

5. Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578–1582 гг.). СПб.: Типография министерства внутренних дел, 1899.

6. Джексон Т. Н. *Austr í Górdum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках. М.: Языки славянской культуры, 2001.

7. Дук Д. В. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2015. № 9. С. 2–13.

8. Дук Д. У. Полацк і палачане (IX–XVIII стст.). Наваполацк: ПДУ, 2010.

9. Дук Д. У. Археалагічныя комплексы пасадаў Полацка IX–XVIII стст. (па выніках раскопак 2004–2012 гг.). Наваполацк: ПДУ, 2014.

10. Дук Д. У. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Ніжняга замка г. Полацка ў 2014 г. / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Справа № 3308.

11. Дук Д. У., Коц А. Л. Старажытны Полацк: новыя даныя па выніках раскопак на тэрыторыі Ніжняга замка ў 2014 годзе // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэднявечных старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гг. Мінск: Беларуская навука, 2016. С. 31–41.

12. Дук Д. У., Емялянчык В. А., Коц А. Л. Могілки на стрэлцы Ніжняга замка ў Полацку // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 29. Даследаванні пахавальных і пасяленчых помнікаў эпохі сярэднявечкоў і Новага часу на тэрыторыі Беларусі і суседніх краін. Мінск: Беларуская навука, 2018. С. 171–182.

13. Дэкаратыўна-прыкладное мастацтва Беларусі XII–XVII стагоддзяў / аўт. тэксту і склад. Н. Ф. Высоцкая. Мінск: Беларусь, 1984.

14. Емельянчик О. А. Новые материалы к антропологическому изучению населения Полоцка XVII–XVIII вв. // Беларуская Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. прац Міжнар. навукова-практычнай канферэнцыі, Полацк, 21–23 красавіка 2011 г. У 2 ч. Ч. 1 / пад агульн. рэд. Д. У. Дука, У.А. Лобача. Наваполацк: ПДУ, 2011. С. 14–21.

15. Емельянчик О. А., Шипилло В. А. Краниологическая характеристика материалов погребений с территории Нижнего Замка в Полоцке // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. Исторические науки. 2018. №. 1. С. 18–23.

16. Завещание Юрия Деспота Зеновича, 1582 г. // Русская старина. 1878. Т. XXII, вып. 7. С. 503–511. URL: <https://www.runivers.ru/lib/book4646/57384/> (дата обращения 15.01.2023).

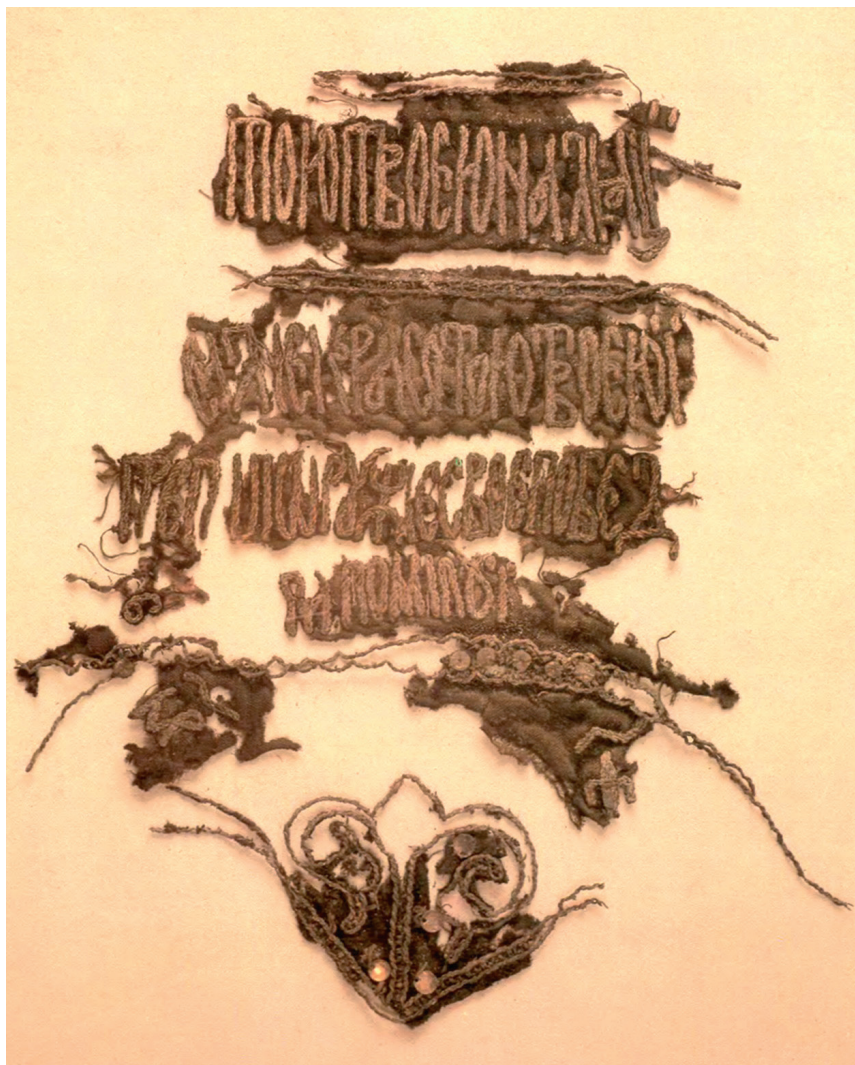
17. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Вып. 29. Витебск: Губернская типолитография, 1901.

18. Йонайтис Р. Захоронения XIV–XVIII веков в контексте развития Вильнюса // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы LI заседания, посвященного памяти проф. А. Р. Артемьева. Псков: ИА РАН; Псковский археол. центр, 2007. С. 318–336.

19. Левко О. Н. Витебск. Минск: Беларуская навука, 2010.
20. Поболь Л. Д. Отчет об обследовании археологических памятников в г. Полоцке в 1959 г. / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Справа № 112.
21. Полоцк. Археологические раскопки // Известия императорской археологической комиссии. Прибавление к вып. 52-му. СПб.: Типография главного управления уделов, 1914. С. 82–83.
22. Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX–XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV–XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О. Н. Левко и др.; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.); науч. ред. О. Н. Левко. Минск: Беларуская навука, 2012.
23. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Вып. II / сост. А. Л. Хорошкевич. М.: Институт истории СССР, 1978.
24. Раппопорт П. А. Отчет о работе архитектурно-археологической экспедиции в 1977 г. / Фонд археалагічнай навуковай дакументацыі Цэнтральнага навуковага архіва Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Справа № 527.
25. Раппопорт П. А. Полоцкое зодчество XII века // СА. 1980. № 3. С. 142–161.
26. Соловьев А. А. Полоцкий иезуитский коллегіум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк. Полоцк: Полоцкое книжное издательство, 2012.
27. Струков Д. М. Альбом рисунков, 1864–1867. Минск: Беларуская Энциклапедыя ім. П. Бровкі, 2011.
28. Тастаменты шляхты і мяшчан Беларусі другой паловы XVI ст. (з актавых кніг Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі) / склад.: А. Ф. Аляксандрава, В. У. Бабкова, І. М. Бобер. Мінск: Беларуская Энциклапедыя імя П. Броўкі, 2012.
29. Чараўко В. У. Пахавальныя помнікі Полацка XIV–XVIII стст. // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2019. № 1. С. 129–135.
30. Hedemann O. Głębokie (szkic dziejów). Wilno: Nakładem Oddziału Polskiego Towarzystwa Krajoznawczego w Głębokiem, 1935.

Илл. 1. План історычных могілак Палотска (па Д. В. Дуку) [8, илл. 58]. А, Б – курганьне некрополі; 2 – могілак на Ніжнем замку; 3 – пагребення в Софійскім саборы і на кладбішчы пры нем; 4 – некропаль пры царквы Раждства Хрыстова; 5 – могілак на Астрове; 6 – пагребення вольне іезуітскага каллегіума; 7 – пагребення вольне Богаўявленскага мана-стыря; 9–10 – кладбішчы на Заполотскім пасадзе

Илл. 2. Фрагмент покрывала с вышитым текстом молитвы из погребения в полоцком Софийском соборе (по Н. Ф. Высоцкой) [13, рис. 124]